

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков

Рижские цветы

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков
Рижские цветы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42006479

ISBN 9785449651136

Аннотация

По официальной версии республики, входившие в СССР, были братскими республиками. В действительности же всё обстояло гораздо сложнее. Автор, живший в сороковые года в Риге, в своих исторических новеллах касается атмосферы латышского общества, его отношения к советской власти и к русским. Несомненно, этот город вклинившийся между Даугавой и большими озёрами был красив, оригинален и многолюден.

Содержание

ПОСТОЙ, ПАРОВОЗ!	5
ПАСТОРАЛЬ КАК МЕЧТА	14
ЧИЕКУРКАЛНС	22
ТАРАРАМ	32
МИЛДА	40
МЕЖАПАРКС	50
ЛУННЫЙ ВАЛЬС	58
ЗЕЛЁНЫЙ ГИТЛЕР	65
КЛУБНИЧКА	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Рижские цветы

Александр Брыксенков

Андрей Брыксенков

© Александр Брыксенков, 2019

© Андрей Брыксенков, 2019

ISBN 978-5-4496-5113-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСТОЙ, ПАРОВОЗ!

Маленький Лешка обожал паровозы. Он называл их тутухами. Они были для него самой красивой, самой могучей, самой романтичной машиной. Когда весной, при следовании на дачу, семья Барсуковых делала пересадку в Бологом, Лешку было невозможно согнать с перрона. Он в полном восторге встречал каждый товарный поезд, который с громом и ветром, с включенным пронзительным свистком, проносился мимо станции. Особенно его восхищал акт обмена жезлами.

Помощник машиниста висел на подножке несущегося па-

ровоза и при приближении к начальнику станции, который стоял на перроне, держа наготове новый жезл, бросал ему под ноги свой жезл, и. тут же. правой согнутой рукой ловил новый жезл. Ловить было не трудно, поскольку жезл был за-ключён в жезлодержатель, снабжённый большим проволо-чным кольцом.

Лёшка не понимал значения этого процесса. Только в зрелом возрасте он узнал, что получение жезла означало (и обеспечивало) безопасность движения по перегону, куда въезжал поезд. «Вот бы людям в начале их жизненного пу-ти, – подумал повзрослевший Лёшка, – вручались бы подоб-ные жезлы, а то прут в воду, не зная броду. Вот как я, напри-мер».

Лёшкино обожание паровозов усилилось в период его бродяжничества. Путешествовать в тесной будке паровоза было и теплее, и интереснее, чем на тормозной площадке иди даже в товарном вагоне, но не всегда можно было в этой будке оказаться. Однако, иногда машинист все-таки пускал беспризорника на паровоз. Не бесплатно. Валютой являл-ся табак, который Лешка добывал из подобранных на улице окурков.

Лешка был любознательным мальчиком. Находясь в па-ровозной будке он всем интересовался и в своем юном воз-расте мог ответить на вопросы, на которые ныне правильно

не ответит ни один взрослый человек.

Например:

- Чем занимается на паровозе кочегар?
- Когда и зачем закрывают сифон?
- Куда уходит отработанный пар?
- С помощью какого устройства изменяют скорость паровоза?
- Где на паровозе хранится песок?

Паровоз серии ИС

На борту паровоза советский лозунг: «НАВЕКИ ВМЕСТЕ»
на украинском языке.

Хотя кому интересны эти вопросы в наше время, когда век паровозов истек?

Была холодная, весенняя ночь. Среди народа, скопившегося на полуразрушенном вокзале станции Старая Русса, пронесся слух, что грузовой состав, который стоял на втором пути, через час отправится в Псков.

Люди потянулись занимать места. Поскольку обе тормозные площадки были уже оккупированы наглыми мазуриками, пассажиры полезли на крыши вагонов. Вместе с мужчинами, помогая друг другу, лезли со своими котомками и две тетки в теплых солдатских штанах.

Лешка никогда еще не ездил на крышах вагонов – боялся. Но при виде баб с котомками расхрабрился: женщины не боятся, а я, что хуже. Расхрабрился и полез с тормозной площадки на крышу третьего вагона. Вскоре подали паровоз, прозвучал длинный гудок и состав тронулся.

Поезд шел сквозь черную ночь. Ни месяца, ни звездочки. Только крупные искры стремительно рвались из трубы па-

ровоза, чуть подсвечивая его железную спину. Они не только подсвечивали, они летели над крышами вагонов (вернее крыши вагонов неслись под искрами) и пытались либо прилепиться к одежде пассажиров, либо влететь кому-нибудь в глаз. Две такие злодейки впились в Лешкин ватник и в двух местах капитально его прожгли.

Лешка почувствовал неладное, когда жар тлеющей ваты достиг тела. С трудом придавив тление, он подумал о необходимости переместиться подальше от паровоза. Однако совершить такое перемещение было практически невозможно. Вдоль крыш по их середине густо сидел люд со своими мешками и кутулями, а переходить в темноте с вагона на вагон по кромкам крыш было смертельно опасно. Поэтому он остался на месте, внимательно отслеживая траектории искр. Да и хорошо, что остался: к утру на крыше четвертого вагона началась кровавая разборка.

На фоне синеющего востока были хорошо видны силуэты людей, резко размахивающих руками. Вот один из них сорвался с крыши и полетел вниз. Даже сквозь грохот поезда слышен был его отчаянный крик.

Бабы-мешочницы

Следом сбросили еще одного. Этот не кричал, наверное его уже пришили. Несколько человек по мешкам, по телам побежали в хвост поезда. Их никто не преследовал.

Знобким утро, окоченевшая за ночь на крышах поезда беспризорная шпана, сгрудилась за водокачкой у большого костра, разведенного из деревянных ящиков. Обсасывали ночной конфликт: две кодлы урок чего-то не поделили. После этого перешли к обсуждению тактических и стратегиче-

ских планов дальнейших действий.

Высветилось три варианта. Первый: добраться до Латвии и наняться там в пастухи. Считалось, что латыши – зажиточные мужики. Второй: махнуть в Восточную Пруссию. Там в пустующих усадьбах полно добра, которое можно вывести и толкнуть с выгодой. Третий: оседлать дорогу из Германии и харчиться у добрых демобилизованных бойцов. Лешка остановился на первом варианте.

Жрать хотелось до невозможности. Тут, как в сказке, появились два пацана. Они принесли три курицы со свернутыми шеями. Птиц ощипали, выпотрошили, разрезали на куски по числу присутствующих у костра, а затем нанизали на проволоку и расположили над огнем. Лешке досталось полусырое, слегка обгоревшее крылышко. Он его моментально проглотил и почувствовал еще больший голод.

К счастью алчущих на станцию вкатился военный эшелон. Стайка подростков поспешила к вагону, в котором стояла полевая кузня. Веселый красноармеец оглядел оборванцев:

– Что, чижики, есть захотелось?

– Ага! – закивали «чижики».

– Подставляйте миски, я вам каши подкину.

Подставили кто что мог. Лешка подставил шапку. Все желающие получили по черпаку перловой каши. Утолив голод, беспризорь стала развлекаться. Кто-то засел за лакши, кто-то стал рассказывать анекдоты. Тихо зазвучала старинная блатная песня:

Постой, паровоз.

Не стучите колёса.

Кондуктор, нажми на тормоза...

А песня действительно была старинной, сочинённой, суля по наличию в ней тормозного кондуктора, тогда, когда ещё не была изобретена тормозная пневмосистема, и кондукторы сидели на тормозных площадках и по сигналу с паровоза специальными рычагам прижимали тормозные колодки к ободам колёс.

Потихоньку на попутном товарняке Лешка всё-таки достиг желанной Латвии и сразу почувствовал, что Латвия – это не Россия. Казалось, что здесь и не было войны.

Не только крупные города, но и небольшие городки были очень чисты, аккуратны и благоустроены. Никаких луж,

косых заборов, осевших зданий. Везде зелень и цветы. Черепичные крыши. Шпили соборов. Не то, что, например, в Пскове или в Старой Руссе, обожжённых войной.

И в сельской местности на хуторах и в деревнях тоже все выглядело солидно и ухожено, а не как в российских селениях с их грязью, покосившимися избами, соломенными крышами. И везде цвела черёмуха, наполняя воздух тонким ароматом.

Благоустроенность латышских поселков очень обнадежила Лёшку. Он решил, что латыши – зажиточные люди и у них можно будет подхарчиться, выполняя какую-либо работу по хозяйству.

Пещё он думал, что русские преодолеют военную разруху и под руководством товарища Сталина сделают страну богатой и счастливой, и, когда он станет большим, то уже не будет беспризорников, инвалидов, попрошаек, гопников, воров, и все будут жить всё лучше и лучше.

А оно вон как получилось...

ПАСТОРАЛЬ КАК МЕЧТА

Цистерна маняще пахла конфетами. Очевидно в ней перевозили то ли патоку, то ли какой-то сироп. От горловины по бокам цистерны тянулись вниз желтоватые подтёки. Из-за длительного использования цистерны подтеки наслоились друг на друга, образовав твердую корку.

На узкой железной полоске, которая тянулась вдоль черной, в подтёках цистерны, стоял, обдуваемый холодным встречным потоком воздуха, голодный Лёшка. Он, под стук колёс, отколупывал кусочки затвердевших подтеков и от-

правлял их в рот. Кусочки долго размягчались во рту. Вкус они имели какой-то странный. Немного сладкий, немного кислый с легким парфюмерным душком, напоминавшим запах леденцов.

Не дожидаясь полного расплавления очередного «леденца», Лешка энергично разжевывал его и торопливо проглатывал. Боже мой, чего только пацаны не употребляли в пищу в то голодное, послевоенное время. Например, съедобными считались гранёные стебли некоего зонтичного растения (кстати очень похожего на ядовитую цикуту), которое народ называл гранаткой. От поедания гранатки обрывало губы и язык, но дети ели её: гранатка привлекательно пахла морковью и имела вкус, напоминавший вкус брюквы. Часто употребление в пищу подобных «деликатесов» вызывало расстройство желудка, отравление, а то и приканчивало бедолагу-беспризорника.

Вот и Лешка. Он совал в рот, явно, что-то очень подозрительное, но остановиться не мог, так как был сильно голоден. Он вторые сутки ничего не ел. Пока его путешествие проходило по растерзанным войной Новгородской и Псковской областям, вопрос с питанием остро не стоял. Крестьянки всегда пускали юного путешественника на ночлег, выставляя перед ним чугунок горячей картошки, красноармейцы из воинских эшелонов щедро оделяли подростка кашей

и хлебом. В крайнем случае можно было пошустрить на при вокзальных базарчиках.

В Латвии ничего этого не было. И на ночлег не пускали, и воинские эшелоны были крайне редки, и базарчики отсутствовали. Беспризорной шпане приходилось трудно. Вот и лопали все, что казалось более или менее съедобным.

Лешку скрючило на вокзале в Елгаве: резкая боль накатами набрасывалась на желудок. Лешка громко стонал, почти кричал. Беспризорная братия живо подхватила его и понесла к стоявшему на втором пути санитарному поезду.

Елгава. Железнодорожный вокзал

Врачебная помощь пацану, начиная с промывания желудка, была оказана полная. Выяснилось, что нажрался он, как выразился доктор «какой-то углеводородной дряни». После медицинских процедур всю его одежду отнесли на паровоз, а взамен снабдили пацана старенькими, но чистыми солдатскими шмотками.

Оживший, отошедший от боли Лешка с сожалением покинул светлый, чистый, правда пропахший хлоркой, вагон-лазарет. Поезд был пустой. Он шел в Восточную Пруссию за ранеными. Лешке это было по пути. Но его выперли из поезда, сказав, что проезд на нём посторонним строго запрещен. На прощание сестричка дала ему целую буханку хлеба.

Только Лешка появился на вокзале с буханкой подмышкой, как был сразу же окружен беспризорниками. Лешка отламывал от буханки крупные куски и оделял ими своих спасителей. Хлеба ему было не жалко. Есть совсем не хотелось. Боль в желудке улеглась не окончательно и подташнивало.

Май был в разгаре. Нужно было позаботиться о пристанище на лето. Не колесить же до бесконечности по железным дорогам. Лешка, обмозговав со своим недавно обретенным приятелем этот вопрос, решил, что кроме как в батраки податься ему в этой чистенькой Латвии некуда. Приятель поддержал Лешкино решение.

Утром, переслав на вокзальном полу, они наскоро перекусили заплесневелыми сухарями, найденными накануне на помойке и вместо города, который был сильно разрушен, двинулись по полотну железной дороги на запад. Пройдя с километр, приятели свернули налево и по проселочной дороге стали углубляться в чистую зелень полей и лугов. Вдоль дороги густо цвели одуванчики и какие-то белые цветочки, вились бабочки, пчёлы, шмели...

Цель у подростков была одна: устроится на лето пастухами или батраками к какому-нибудь зажиточному латышу-хуторянину. О том, что будет с ними после лета, они не думали. Ведь «после лета» будет так нескоро. Чего беспокоится раньше времени.

Вскоре из-за бугра показались крыши хуторских построек. Лешка озаботился, а озаботившись обратился к приятелю:

– Ты умеешь по-латышски говорить?

– Нет. Я только знаю несколько слов: лабрид – доброе утро, лабдиен – дабрый день, лабвакер – добрый вечер, ну и хлеб, вода.

– А как же мы будем объясняться с хозяином? Как мы ему расскажем, что нам надо?

– Ну, руками покажем.

Когда приятели подошли к дому, на крыльцо вышел грузный мужик в меховой шапке. Приятели дружно пропели: «Лабрид!»

«Лабрид», – ответил хозяин и стал что-то говорить латышски. Дети дружно замотали головам: «Не понимаем. Мы – русские». Лешкин приятель для убедительности добавил: «Несапроту», что очевидно означало: «Не понимаю».

Латыш улыбнулся: «Я немного знаю в русском. Говорите, что вам надо». Пацаны изложили своё желание потрудиться в латышском сельском хозяйстве, на что обладатель меховой шапки отреагировал однозначно:

«Здесь не получится. Здесь хозяйства маленькие. Сами справляемся. Ехайте в сторону Литвы. Там богатые хутора».

Латышский хутор

Ребята посоветовались и решили вернуться обратно, на вокзал. В Елгаве пути приятелей разошлись. Один из них решил ехать в Россию, а другой – в глубь Латвии. Этим другим был Лешка.

Он побывал в Мадоне, Бауске, Либаве, Даугавпилсе. Наблюдался готическими соборами, ратушами, замками Исколесил всю Латвию, однако пастухом не стал. То ли с пастухами в стране был перебор, то ли рожь Лешкина не тянула на селянскую и не вызывала доверия, но на ковбойские должности его никто не брал.

Все было в зелени, цвела природа, солнышко весело играло в голубом небе и только в душе у Лешки угнездилась

тоска. Что делать дальше, куда податься?

Решил парнишка уехать из Латвии обратно в Россию, тем более, что латыши ему капитально не понравились: сухие, прижимистые. В Вентспилсе он залез в вагон грузового поезда следующего на восток, задвинул дверь и стал устраиваться на ночь. Спалось плохо: донимал холод. Однако, когда тронулся состав, он не заметил: крепко уснул.. К утру поезд прибыл, но не в Россию, а в Ригу на станцию Чиекуркалнс.

Беспризорного пацана ничем не удивишь. «Рига, ток Рига, – подумал Лёшка, узнав куда его занесла судьба, – посмотрим, что это за городишко».

ЧИЕКУРКАЛНС

Поезд стоял. Лешка отодвинул дверь грузового вагона и высунулся наружу. Все пути были забиты товарняком. В тупике стоял санитарный поезд. Из-за деревьев выступали городские дома.

«Приехали, – подумал Лешка. – А куда приехали – не из-

вестно».

Тринадцатилетний путешественник спрыгнул на землю. Огляделся. Вдоль состава шел смазчик. Он постукивал по колесам молоточком на длинной рукоятке и заглядывал в буксы колес. Когда он приблизился к Лешке, тот спросил:

– Дяденька, как называется эта станция?

– Чиекуркалнс, – буркнул дяденька.

«Чиекуркалнс. Ну и название же странное», – подумал Лешка и потащился вслед за смазчиком.

– Это, что? Город?

– Нет. Город дальше. – снова с неохотой ответил смазчик.

– А как город называется?

– Рига.

«Ничего себе, куда меня занесло! – удивился Лешка. – Ну, что ж, пойдем посмотрим, какая она Рига».

Он стал пересекать пути, подлезая под вагоны. И тут стан-

цию накрыл щедрый, летний ливень. Лешка тормознул, решив переждать дождь под вагоном.

Он не вздремнул под шум дождя, а, так, слегка забылся. Забылся и тут же очнулся, а, очнувшись, увидел, что колесо вагона, под которым он сидел, вращается: поезд дал ход.

Такая ситуация ничего особенного для бывалого беспризорника не представляет. Нужно лечь вдоль полотна и после прохождения первого колеса очередного вагона перекатиться через рельс. Именно перекатиться, чтобы не за что не зацепиться и не споткнуться.

Но так поступать можно лишь в самом начале движения состава. Лешка в своем забытии этот момент упустил. Вагоны уже резво катились. Оставалось одно: лечь на полотно, головой по ходу поезда, прикрыть затылок руками и надеяться на удачу.

В те времена автосцепка только-только внедрялась, а сцепляли вагоны вручную с помощью винтовой упряжи, состоявшей из массивного крюка, вделанного в корпус вагона, и винтового устройства с петлей, которая набрасывалась на крюк соседнего вагона. Понятно, что петлю последнего вагона накидывать было не на что и чтобы она не болталась, сцепщики вешали её на специальный крючок. Иногда они забывали (или не хотели) крепить петлю и эта мас-

сивная металлическая блямба болталась под вагоном в сантиметрах двадцати пяти от шпал и могла свободно зацепить оказавшегося под вагоном бедолагу.

Поэтому Лешка и прикрывал затылок: если сцепка заденет его тело, то хоть голова уцелеет. Удача была за Лешку. Пронесло. Он поднялся на дрожащих ногах, поправил дрожащими руками шапку и поплелся к небольшому желтому зданию, очевидно вокзальчику.

Он вышел из вокзальчика и вскоре оказался на красивой улице. «Brivibas iela», – вслух прочитал он на табличке и двинулся по этой Бривибас в центр города.

По утрянке первой проблемой для вольного пацана является добыча пищи. Добыть пропитание можно на базаре, на вокзале, на сортировочной станции, у военных и на огородах. Лешка решил обследовать базар.

Чем дальше шел Лешка к центру, тем больше нравился ему город. Изобилие зелени, красивые дома, чисто и уютно. Особенно много было цветов. Они продавались и с рук и в стационарных киосках. В основном это были крупные тюльпаны. Красные, желтые, лиловые.

Над каждым цветочным киоском красовалась надпись:

РУКЕ. «Наверное, ЦВЕТЫ», – решил Лешка.

С противоположной стороны киосков были устроены туалеты. Это очень удобно для путешественника: понюхал цветов и в туалет.

Лешка не понимал, зачем покупать цветы, когда их можно нарвать на клумбах. И вообще – они же несъедобные. И еще пацан удивлялся тому, что город был не разрушен. После руин Старой Русы и Пскова это выглядело очень неожиданно.

С базаром получился полный облом. Рижский рынок был совсем не похож на российские рынки. Много света и простора. Чистота, аккуратность. Продавщицы в белых фартуках.

Рижский Центральный рынок

Лешка в своих солдатских сапогах, в грязном, прожженном в нескольких местах ватнике, в мятой шапке совсем не вписывался в чистюльную среду латышского рынка. Торговки поглядывали на него явно неприязненно. Нужно было сваливать.

И на центральном вокзале делать было нечего. Ни теток с мешками, ни бабок, торгующих мелочёвкой, ни карточных игроков, ни беспризорной братии, но зато много милиционеров. Лешка поспешил исчезнуть и с вокзала.

Голод стал донимать. Осталась последняя надежда – санитарный поезд на станции Чиекуркалнс (Лешка удивился, что он запомнил название станции). Если поезд не ушел, то там накормят.

До станции Лешка добрался уже к вечеру. Поезд не ушел. Голодающий пацан нашел вагон-кухню и поднялся по ступенькам. Из тамбура выглянула, очевидно, повариха: «Чего тебе, мальчик?»

«Тетенька, дайте хлебушка, очень хочу есть», – жалобным голосом проблеял Лешка. Женщина зашла в вагон, отрезала половину буханки и вручила её Лешки: «Поешь, сыночек». После чего стала спрашивать его о родителях, о том, куда он едет. Лешка, что-то плел и при этом отщипывал кусочки

хлеба и отправлял их в рот.

Он съел половину пайки, а другую сунул в карман: на утро. Захотелось пить. Лешка отправился к вокзальчику, там должна была быть вода.

У вокзальчика на скамейке, привалившись к стене сидела девчонка лет десяти, Она была вся в слезах. По всему было видно, что плакала горемыка давно.

– Ты чего хлюпаешь? – наклонился над ней Лешка.

– Хочу кушать.

– Сильно хочешь?

– Сильно.

Лешка вытащил из кармана заначку:

– На ешь.

Девочка ела и рассказывала свою историю. Оказывается они с братом ехали в Латвию, говорили, что там жизнь хлебная. Они круглые сироты. Никого у них нет. И жилья нет. А с братом они растерялись в Пскове, и где он сейчас она

не знает.

– Как тебя звать?

– Вера.

– Вот, что, Верка. Одна ты пропадешь. Будешь при мне. Всем говори, что ты моя сестра. Поняла?

– Ага. Поняла.

– А, теперь айда спать укладываться.

– А, где спать-то будем?

– Сейчас найдем подходящий вагон.

Искать пришлось долго. Для ночлега подходил не любой вагон. Ночи еще были холодные и для ночевки нужно было найти пустую теплушку: в ней хоть не дует. Наконец нашли. Лешка с трудом отодвинул дверь. В вагоне было пусто. Он посадил Веру, затем заскочил и сам.

Теплу́шка» – вагон НТВ (Нормальный Товарный Вагон), переоборудованный под перевозку людей или лошадей.

Вагон был пуст. В одном углу они обнаружили горку стружек. Разровняв горку, дети улеглись на стружки, прижались для теплоты друг к другу и крепко уснули.

Лешка проснулся от холода, да и по нужде приспичило. Он отодвинул дверь. В лицо брызнуло солнце. Он брызнул в ответ, после чего повернулся в угол, где спала Вера и проорал:

– Верка! Вставай!

– Ой, где я?

– Вставай, вставай! Пойдем за добычей. Санитарный поезд еще не ушел.

Беспризорники вылезли из теплушки, двинулись к вокзальчику, чтобы сполоснуть лица под краном и напоролись на наряд милиции. Их задержали и к вечеру отправили в детприемник-распределитель.

Вера была испугана. Лешка успокаивал её:

– Чего ты дрейфишь? Посмотрим, что за контора. Если что – слиняем в два счета.

– А, что мы там делать будем?

– Не знаю. Но хотя бы помоемся. Я в бане месяца три не был.

ТАРАРАМ

Всё Задвинье было в сирени. Но не в той, вульгарной, в ли-
нялом фиолете, которую Лешка привык видеть в деревен-
ских палисадниках. Нет! Здесь сиреневые кущи были рос-
кошно убраны махровыми кистями, окрашенными в интен-
сивный фиолетовый цвет с оттенками от голубого до розово-
го. Подчеркивали щедрость картины отдельные включения
белой сирени. И аромат! Запах юного лета и чего-то добро-
го, многообещающего.

А еще тюльпаны! Красные и желтые. Яркие и веселые, как

королевские солдаты. На всех клумбах! Лешка удивлялся: «И чего цветы никто не рвет? У нас их давно бы смели под корень».

Детприемник, куда доставил его милиционер, размещался в красивом двухэтажном доме, обнесенном остекленной верандой, некоторые окна в которой были выбиты. Лешка решил, что раньше в этом доме жил буржуй.

Размещался дом в уютном садике, конечно, с сиренью и тюльпанами. Лешка ходил по газону перед домом и собирал разбросанные там и сям простыни, одеяла, табуретки, подушки и т. п.

Когда он прибыл в дет. приёмник, то попал первым делом в санитарный блок, где всю его одежду сожгли в печке. После помывки под душем ему выдали чистую одежду. Она была необычной: оранжевые штаны, клетчатая рубашка и зеленая курточка. Объяснили, что все это американское.

Затем его накормили и сказали, чтобы он ждал дальнейших распоряжений. В ожидании оных он бродил по дому, изучая его планировку. В помещениях было пусто. Он был единственный воспитанник.

Прежние обитатели распределителя оперативно покину-

ли его, а новые еще не прибыли. Вернее не покинули, а их покинули, т.е. экстренно растолкали по детдомам, спец. школам, ФЗО, спец. училищам. А приключилось это потому, что двадцать пять воспитанников, содержащихся в распределителе подняли бунт, устроили тарарам. Что-то им не понравилось за завтраком.

Со свистом, криком, матом они переворачивали койки, крушили тумбочки, ломали столы. В распахнутые окна выбрасывали на улицу мебель, подушки, постельные принадлежности. Кто-то из пацанов писанул подушку и в воздухе замельтешили перья.

Воспитательница Глафира Федоровна вызвала подмогу. Прибывшая милиция быстро уgomонила буянов, после чего началась их рассортировка.

Глафира Федоровна выглядела лет на пятьдесят. Это была сухощавая женщина с высоко поднятой головой, осененной копной густых седоватых волос. Под стеклами больших очков просматривались внимательные, строгие глаза. Брови имела слегка нахмуренными, губы – плотно сжатыми.

Родилась она в Риге в русской семье. Родители постарались в трудное послевоенное время дать ей хорошее образование. Во времена Ульманиса она преподавала в русской

гимназии латышский язык.

В систему МВД она подалась чисто из меркантильных соображений: оклад хороший и продуктовые карточки повышенной категории. Как воспитатель специального детского учреждения выглядела она очень даже хорошо. Воспитанники её слушались и уважали. Это благодаря её влиянию недавний детский бунт не перерос в стадию физических расправ.

Глафира Федоровна отыскала Лешку и нарядила его на уборку хлама, набросанного бунтарями на газон. Вот он и стал ходить по газону подбирая одеяла, подушки, стулья, выкинутые из дома малолетними буянами. С работой он справился до обеда, а после обеда стали прибывать новоселы. Процесс заполнения распределителя протекал быстро. Уже через неделю за столами в столовой сидели двадцати пять мальчиков. Хотя и не мальчиков вовсе, а глядящих изподлобья самостоятельных существ.

Особняк на улице Баложу.

Все они были воришками. Без этого беспризорнику не выжить. Все они знали как достать пищу, как разжалобить тетеньку, как устроиться на ночлег. Они еще не ботали по фене, но пересыпали свою речь словечками, распространенными в преступной среде.. Они еще не стали урками, блатными, но к этому стремились. Во всяком случае старались подражать взрослому ворю.

Вот и этот рыжий пацан нагло заявлял себя как бы вожаком, бугром. Рассказывал о своих подвигах, показывал кольцо в которое был вмонтирован кусочек лезвия, мол, таким устройством очень удобно резать сумки, портфели, карма-

ны. За него уже держали мазу три пацана типа шестерки.

И мальчишеское общество разбилось на две враждебных группы: у Рыжего появился соперник, и к нему примкнули те, кто был недоволен Рыжим. Начались конфликты.

Лешка как-то незаметно стал правой рукой Глафиры Федоровны.

Помогал ей во всем, выполнял её поручения. Рыжему это не нравилось и он однажды при всех нагло обратился к Лешке:

– Ты, что, козел, стучишь Глафире?

– Сам ты козел! Падла рыжая.

– За падлу ответишь! Перед ужином. За сараем.

Это был вызов. Увиливать от вызова нельзя. Иначе вечный позор.

Беспризорники военного времени

– Приходи, приходи. Только не обосрись, – Лешка внешне бравировал, а в душе трясся. Он знал, что ему достанется. У Рыжего же три подпевалы. Они не будут драться, но будут всячески мешать Лешке.

– Не бзди, Леха. Если что, то мы встрянем, – поддержали Лешку проти- вники Рыжего.

У Лешки было отработанное начало. Правой с разворотом – в челюсть, левой с разворотом – в поддых. Рыжий тоже имел опыт. Он резко бросил вверх сомкнутые руки, отбил Лешкин выпад и сам нанес ему удар головой в зубы и нос.. Чтобы прийти в себя Лешка ушел в глухую защиту, выста-

вив вперед локти. Рыжий стал быстро молотить куда попало. Лешка отойдя от шока, тоже начал наносить удары, но положение его было хуже чем у Рыжего. «Свалит он меня», — пронеслось в Лешкиной голове.

Но тут в сопровождении дворника появилась Глафира Федоровна. Неожиданно громким голосом она закричала: «Разойдись!!! Всех запру в изолятор!!!». Народ мигом разбежался в разные стороны.

После кулачной стычки отношения между противниками могут быть двух видов: либо враги становятся корешами, либо одна из сторон начинает готовить расправу над соперником. Именно второй вариант и открылся пред Лёшкой. Кодла Рыжего собралась устроить Лёшке тёмную. Это очень паскудная штука. Могут и покалечить.

Обычно тёмную устраивают ночью, но могут навалиться и днём. Поэтому Лёшка весь день был начеку, демонстративно помахивая заточкой, а на ночь уходил на чердак, где у него был устроен тайник.

Такая напряженка очень угнетала пацана, но вскоре полегчало: Рыжего и его гопу отправили в спец. учреждение. Вновь прибывавшая беспризорь относилась к Лёшке с уважением. Ну как же! С Рыжим дрался. Оказалось. что Рыжий был заметной фигурой в беспризорном мире.

МИЛДА

Уже вторую неделю жил Лёшка в детприемнике, в этом сиреневом раю с трёхразовым питанием и еженедельной баней, что после беспризорных реалий действительно казалось подобием райской жизни. Сирень отцветала, но уже всюю набухли бутоны гладиолусов.

Находился этот рай в зелёном Задвинье. Хотя Задвинье – это, практически, Рига, но в самом городе Лёшка ещё по-настоящему не бывал. В одно из воскресений он уговорил Глафиру (воспитательницу детдома-распределителя) отпустить

его в город.

Сойдя с моста через Даугаву, он сразу же свернул направо, к замку, который выглядел живописно, но не очень грозно. Поглазев на замок, на соборы, на готические здания, Барсуков по переулочкам Старого города вышел к городскому каналу, попрёк которого всё ещё лежала, сваленная войной радиомачта.

Когда он перешёл канал, то был сразу же ошарашен неожиданным видением. На площади, прямо перед ним возник великолепный памятник. Воспитанный на ленинградской городской скульптуре, он сразу же высоко оценил качества монумента. Там из солидного каменного основания, населённого скульптурами и барельефами, вздымалась высокая, прямоугольная в сечении, стела или колонна. На верху этого вертикального сооружения стояла металлическая женщина, которая держала в своих устремлённых ввысь руках три золотые звезды.

Лёшка с радостным удивлением обходил по кругу прекрасный памятник, удивляясь совмещению несовместимого: монументальности и изящества.

Ах, молодец этот Карлис Зале, выпускник Петербургской Академии художеств, который сотворил этот замечательный

памятник. Молодец и его соавтор, архитектор Шталберг, также выпускник Петербургской Академии художеств. Понятно, что эти имена Лёшка узнал значительно позже.

Монумент, установленный в 1935 году, официально назывался Памятником Свободы. В народе же его называли Милдой. И женщина на вершине обелиска тоже была Милда.

Милда

Милда – это распространённое женское имя как в Латвии, так и в Литве. А ещё у литовских язычников Милдой звали

богиню любви.

Это обычное явление, когда народ даёт тому или иному памятнику фольклорное имя. Например, питерцы тоже подвержены этому веянию. В этом смысле больше всех не повезло памятнику Александру Третьему (комод, бегемот, обормот). А про памятник Николаю Первому даже загадка есть (Дурак догоняет умного, но догнать не может).

А невыразительный современный монумент на Средней Рогатке вообще имеет четыре уничижительные кликухи: стамеска, сборщики грибов, круглый горшок, крематорий.

Так что Милда это очень даже мило и патриотично. С 1910 года на месте Милды стоял памятник Петру Первому. С приближением кайзеровских войск памятник демонтировали и увезли в Россию. Памятник демонтировали, а название бульвара, что простирался за памятником (Бульвар Петра Первого) осталось. Потом бульвар стал Бульваром Свободы, затем – Бульваром Гитлера, позже – Бульваром Ленина (в связи с установкой в конце бульвара, спиной к Милде, памятника В.И.Ленину).

Статуя Ленина была стандартна: в левой руке кепка, правая рука вскинута и указывает на восток, пальто распахнуто. В девяностые статую демонтировали, но в отличии от кастрюлеголовых, Ленина не стали курочить. Его аккуратно

на трейлере отвезли на склад: а вдруг пригодится.

Барсуков считал, что точно пригодится. Во-первых, потому, что Ленин – это личность. Пройдут века, но люди будут помнить Ленина. И любой город будет горд тем, что имеет памятник Ленину. Затем потому, что Ленин – это благодетель для Латвии. Именно он даровал латышам независимость. И ещё – из-за скудности монументальных памятников в Риге. Там в основном установлены памятники отдельным личностям в камерном исполнении. Примером такого типа памятников является скульптура Ульманиса, первого президента Латвии: стоит на земле полноватый мужчина со шляпой в руке. И всё.

А ещё имеются памятные знаки о депортации латышей в 1941 году (15 тыс.) и в 1949 году (49 тыс.). Эти депортации просто убивают латышей. Они скорбят, проклиная НКВД, плюют на Советскую власть.

Но! они скромно помалкивают и не афишируют деятельность Арайса и его кровавых батальонов, состоявших из добровольцев-латышей, не депортировавших, не арестовавших, а расстрелявших 40 тысяч латышских евреев. Сволочи!

Германия вовсю отдувается за своих нацистских предков, а Латвия вроде бы ни причём (как и Румыния, Венгрия, Лит-

ва, Украина, где местные извели евреев под корень).

Какое счастье, что Ригу украшает прекрасная Милда. Счастье потому, что её существование висело на волоске. После вхождения Латвии в СССР было принято решение о демонтаже памятника (буржуинское наследие). Но жесткая позиция скульптора Мухиной, уроженки Риги, и архитектора Шталберга (одного из авторов Милды) не позволили этому решению осуществиться.

Характерно, что автором памятника Ленину является всё то же Шталберг. Наверное, он и Ленина отстоял бы, но к тому времени его тело мирно покоилось на кладбище Райниса. Кстати, пример творчества Шталберга имеется и в Петербурге. Это монументальный доходный дом бывшего акционерного общества «Новый Петербург». Находится этот дом в переулке Каховского.

Уже трижды в детприемнике сменился детский контингент, а Лешку все никуда не отправляли. Он терялся в догадках. Наконец все прояснилось. Пацану дико повезло. Глафира Федоровна решила принять Лешку в свою семью. Она решила установить над ним опеку. Когда воспитательница поведала Лешке о своем решении и испросила его согласия на этот шаг, он растерялся, он не мог поверить в свалившееся на него счастье.

Вскоре опека была оформлена и бывший беспризорник очутился в просторной двухкомнатной квартире пятиэтажного дома, располагавшегося на улице Зирну. Из окон квартиры были видны садовые участки и ипподром, по которому бегали лошади, запряженные в легкие коляски.

Для Лешки настал сплошной праздник. После ухода Глафиры Федоровны на работу он производил приборку в квартире, а после вольной птахой устремлялся в лабиринты Старого города. Все эти соборы, старинные здания, замковые сооружения да и просто сами улочки дышали какой-то значимостью, средневековой романтикой.

Еще он любил бывать в ботаническом саду, особенно в оранжереях. Там было много красивых, невиданных ранее Лешкой, цветов и растений и все они издавали ароматы, создававшие иллюзию тропического леса.

Здание художественного музея

Художественный музей был у Лешки на особом счету. Там он, после рассматривания картин и скульптур, обязательно устремлялся в галерею, где по стенам были развешены рисунки латышского художника, изображавшие нагих женщин. Он с большим интересом рассматривал голых тётё, обращенных к нему то передом, то задом. Очевидно в парнишке стало просыпаться мужское начало.

Вскоре Глафира Федоровна огорошила своего подопечного сообщением о том что она оформила его в пионерский лагерь на две смены: «Леша, это очень хороший лагерь. Возле Кишозера. Тебе должно понравиться»

Какое там понравиться. Лешке был просто в восторге

от возможности пообщаться с пионерами. Про себя он удивлялся: «И за что мне такая лафа!?»

Барсукова уже много лет тянет в Ригу. Это так здорово прогуляться по Московскому форштадту, заглянуть в художественный музей, в Ботанический сад, навестить Межапаркс и, купив стандартный набор: рижский бальзам, рижские шпроты, конфеты фабрики «Лайма», с облегчённой душой вернуться домой.

Но что-то его удерживает от такой поездки.

МЕЖАПАРКС

Всего лишь девять месяцев тому назад здесь были немцы. Всего лишь девять месяцев тому назад здесь с грохотом завершилась стратегическая Рижская операция. А ныне тишь и благодать. И красота неопишуемая. Какое-то зеленое царство. И повсюду жасмин. Сладкий аромат белых цветов проникал во все закоулки.

Внезапно эта тишь и эта благодать была нарушена треском барабана и резкими звуками горна. Из-за кустов было видно как под эту музыкальную композицию на высокую мачту медленно поднимался красный флаг.

На прямоугольной площадке, перед мачтой стоял пионерский строй. К строю подошла комсомолка-вожатая и поприветствовала пионеров с новым утром, громко проскандировав: «Пионеры! К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!». «Всегда готовы!», – заверили вожатую юные пионеры.

Подъём флага

А Межапаркс ласкали лучи утреннего солнца. А Межапаркс тонул в летнем благовонье. А Межапаркс обещал сладостный отдых и покой.

Межапаркс был самым элитным районом Риги. Здесь рас-

полагались виллы и особняки рижских буржуев и крупных чиновников. Вот в одном из таких особняков и обосновались на целое лето красногалстучники. Девочки – на втором этаже, мальчики – на первом. А вместе с ними обосновался и Лешка, хотя он ещё и не был пионером.

Пацану пионерский лагерь понравился. Что особняк, что сад, что окружающая лагерь природа. Но больше всего ему понравилась пища. Как только дети прибыли в лагерь их сразу же пригласили в столовую перекусить. Для перекуса на столы были выставлены большие миски с кусками копченой рыбы в масле, отварная картошка и горки белого хлеба. И все без нормы, ешь сколько хочешь. На запивку было подано какао. И это в послевоенное голодное время, и это при карточной системе, когда народ тотально недоедал. Хорош был не только перекус, но и все последующие завтраки, обеды и ужины.

А вот мальчики Лешку насторожили. Если, он, умяв большой кусок рыбы, решительно положил на тарелку второй кусок, то мальчики, поковырявшись вилками в картошке и выпив какао, отвалились от стола, как бы демонстрируя: видали мы эту рыбу.

И разговоры у них были странные. После перекуса они жарко обсуждали какую-то Пакуль, которая в роли какой-то

Виолетты дала в первом акте петуха. Почти все они были за-ядлые марочники. Имея при себе кляссеры, они обменивались марками, они спорили о достоинствах погашенных марок по сравнению с непогашенными. Они азартно разбирали последний матч «Даугава» – «Спартак» и чего-то бухтели про скачки. Все это было непонятно и чуждо Лешке. В среде, где он прежде вращался, доминировали совсем другие интересы и пристрастия.

«Ничего, притрусь», – успокаивал себя бывший беспризорник. И верно – притерся. Мальчишеское сообщество стало уважать его за инициативность, изобретательность, находчивость, ну, и, конечно, за умение постоять за себя.

Прямо через дорогу от лагеря начинался огромный лесопарк. После завершения боевых действий его тщательно разминировали и вывезли из парка побитую военную технику. А разного боевого хлама там еще оставалось видимо невидимо. Железные бочки, побитые минометы, немецкие гранаты, авиационные снарядики, мины, патроны, сигнальные ракеты, ящики с толом, россыпи пороха, причем порох был разнообразный: квадратный, в виде шайбочек, макароноподобный. Последний особенно нравился пионерам. Если поджечь «макаронину», бросить её на землю и наступить на горящий конец, она начнет дымить, трещать и прыгать. Очень чинно девчонок пугать.

В лесопарке

Для мальчишек лесопарк был местом обетованным. Все свободное время они пропадали в его чащах. Это просто удивительно, что никто не взорвался, не покалечился. Ведь пацаны во всю экспериментировали. Они разряжали, жгли, взрывали, устраивали самодельные фейерверки, глушили рыбу в Кишозере. Воспитателей и вожатых очень беспокоили такие забавы.

Особенно они озаботились после того как пионеры, с подачи Лешки, устроили шикарный «салют». Эти экспериментаторы поместили на дно медной гильзы от зенитного боезапаса толовую шашку с взрывателем, а остальное простран-

ство гильзы заполнили адской смесью, в состав которой входили и куски сигнальных ракет, и разнообразный порох, и трассирующие пули. Когда с помощью бикфордова шнура снаряженную «салютную установку» подожгли, раздался мощный рев, в небо, выше сосен рванулся огненный поток и, как финал, – оглушительный взрыв. Растерянные обыватели повыскакивали из своих особняков, потревоженные необычным шумом.

Конечно, больше всех дрожал и трясся директор лагеря. Случись что – с него голову снесут. Но перекрыть доступ детей в лесопарк он физически не мог. Тогда, чтобы занять ребят, он придумал военную игру типа «Зарницы». Это он здорово сделал. Почти до конца смены народ ходил в разведку, занимал оборону, штурмовал позиции «неприятеля».

Финальным элементом игры являлся «Поиск знамени». Вожатый отделил знамя дружины от древка и вручил сложенное полотнище Лешке, которое он и еще два ассистента должны были спрятать в парке.

Прятальщики свой путь отмечали стрелками, зарубками, записками, по которым поисковики должны будут найти спрятанное знамя. Видать на завтраке ребята съели что-то реактивное: их дружно потянуло на большое дело. Они присели возле пирамиды из железных бочек. Покончив с де-

лом, пионеры решили забраться на пирамиду, а бочки возьми и покатались. Озорники еле увернулись от прыгающих бочек.

А, где же знамя!? Его быстро нашли. Оно было придавлено бочкой. И все бы ничего, но бочка придавила знамя к одной из куч большого дела.

Лешка стряхнул с полотнища, что можно было стряхнуть, свернул знамя в комок и побрел вместе со своими ассистентами в лагерь.

Поисковая операция не состоялась. Пошел сильный дождь и директор отменил поиск. Вскоре появились в лагере мокрые прятальщики. Когда воспитатели и вожатые увидели оскверненное знамя, они ужаснулись.

Еще был жив Лаврентий Павлович, еще всю функцию выполнял ГУЛаг, и, вообще, дело по осквернению Красного знамени тянуло не предельную статью. Вызвали Глафиру Федоровну, Лешкину опекуншу. Та не стала паниковать: «И чего вы раскудахтались. Ткань нужно прополоскать, высушить, погладить. И будет ваш флаг, как новый».

Так и сделали. Дело было замято, никакой огласки не получило. Да и понятно почему. Все работники лагеря были

не люди с улицы, поскольку лагерь был не рядовой, а для детей работников МВД Латвийской ССР.

ЛУННЫЙ ВАЛЬС

В пионерлагере был объявлен культпоход в зоопарк, который находился рядом в лесопарке на берегу Кишозера. Поход был партикулярным, без труб и барабанов, в гражданской форме одежды (чтобы не напрягать местных националистов).

Пацанам-то было без разницы в чем идти в зоопарк, а девочки возбудились. Они повытаскивали из чемоданов свои лучшие туалеты и приступили к утюжке. Когда принаряженные пионерки вышли на площадку, мальчики одобрительно загудели. Девочки в кокетливых платьицах, в цветастых кофточках выглядели намного эффектнее, чем в пионерской форме. Особенно выделялась Инна в голубом, шелковом,

расклешенном внизу платье. Шелк плотно обтягивал её уже слегка набухшую грудку.

Ленинградский зоопарк, каким его помнил Лешка, и рядом не стоял с рижским. Ленинградский зоопарк – это тесный зверинец с рядами клеток.

Рижский же зоопарк являл собой натуральный парк, где в просторных вольерах разгуливали среди деревьев и кустарников ухоженные звери. Опасные хищники типа львов и тигров были ограждены высокими решетками.

Вдоль вольеров тянулись рабатки с цветущими ирисами и темно-красными лилиями. В симпатичных киосках продавался лимонад, булочки, конфеты, бутерброды. Пионеры, оказывается, имели деньги. Они активно покупали разную снедь. Лешка снедь не покупал. Он делал вид, что ему ни пить, ни есть не хочется. У него не было денег.

В Рижском Зоопарке

Насмотрелись на медведей, повеселились, глядя на неуклюжих бегемотов. После чего группа переместилась к большому вольеру с ослами и с прочими ишаками. Одна очень юная пионерка громко запищала: «Ой, девочки, смотрите у осла пять ног!». Старшие девочки нагнулись к ней и что-то бурно зашептали в ухо. Очень юная пионерка вся зарделась, а мальчишки заржали.

Лешка удивился. Он впервые видел такое чудо. Осел выпустил свой прибор толщиной в ногу почти до самой земли и издалека такого осла вполне можно было принять за пятиногого. Очень юная пионерка сказала что-то пионервожатой

и покинула группу, очевидно отправилась в лагерь.

Слона можно было кормить. Возле слоновника сидела тетька и продавала мелкую морковку. Инна купила три моркови-ны и предложила их слону. Тот очень аккуратно подобрал их хоботом и отправил в рот. В знак благодарности слон ткнулся пяточком хобота в голубое, шелковое платье, да прямо в самое женское место, оставив на платье темное пятно. Инна засмушалась до невозможности.

Девочки перепоясали её пояском и пропустили под пояс-сок шелковый платок, маскируя пятно. Тем не менее, Инна что-то сказала пионервожатой и покинула группу. «Так звери всех девчонок у нас выбьют», – подумал Лешка. Так, наверное, подумала и вожатая. Потому что она предложи-ла не посещать обезьянник: там жарко и пахнет, и вообще неинтересно. Дети согласились с вожатой и решили погулять по берегу Кишозера.

Мальчишки искупались и отжимали в кустах мокрые тру-сы. Девочки купаться не стали. Они очень сожалели, что не захватили купальники, а купаться в одних трусиках им было уже стыдно.

После обеда мальчишки в саду, на скамейке весело обсу-ждали и бесцеремонное поведение осла. и неприличный по-ступок слона. Из их дальнейших разговоров было ясно, что

отношения между мужчиной и женщиной являются для них вполне разработанной темой. Лешка сидел, молчал и хлопал ушами.

Вечером в столовой звучала музыка. Вечером в столовой состоялись танцы. Вожатая заводила патефон и ставила старорежимные латышские пластинки. Танго, фокстроты. Лешка не умел танцевать. Он стоял в углу и с завистью смотрел на танцующих.

Вожатая объявила: «Белый вальс!». Лешка знал, что такое вальс, но чем отличается белый вальс от небелого, он не знал. Тут к нему подошла Инна: «Леша, я приглашаю тебя на вальс».

Лешка растерялся, он смущенно пробормотал:

– Я не умею.

– Ой, это просто. Пойдем я тебя научу.,

– Нет. Неудобно.

– Тогда пойдем прогуляемся. В аллее нет никого. Я там тебе покажу, как танцуется вальс.

Лешка неуверенно потащился вслед за девочкой.

Лунная аллея

Сияла луна. Призрачные полосы лунного света пересекали дорожку, камушки на которой таинственно поблескивали. В аллее пряно пахло какими-то ночными цветами. Заливались кузнечики.

«Возьми мою руку в свою левую руку, а другую руку положи мне на талию», – начала Инна урок танцев.

Затем она объясняла как нужно ставить ноги, как двигать-

ся. Но Лешка уже ничего не слышал. Перед ним в свете луны четко выделялись девочкины губы. Он наклонился и осторожно поцеловал Инну. Та отпрянула от Лешки и убежала в дом.

Весь следующий день они сторонились друг друга, а вечером Лешка подошел к Инне, взял её за руку, и девочка с мальчиком ушли в лунную аллею.

ЗЕЛЁНЫЙ ГИТЛЕР

Раньше почти все школьники собирали марки. Глупое, по мнению повзрослевшего Лешки, занятие. Действительно, интеллект на марках не расцветал. Тем не менее, дети были заняты, в их жизни существовал какой-то красочный, интересный сегмент, в котором соединялись и отличники и двоечники, и хулиганы, и паиньки.

У теперешних школьников интерес к филателии угас. Нынешние дети, что мальчики, что девочки, с удовольствием собирают рубли, доллары, евро, а это не соединяет детей, скорее, наоборот. «Лучше бы они марки собирали», – думал Алексей Георгиевич (подросший Лешка).

Это Лешка со временем поумнел и стал думать, что филателия – глупое занятие, а в тринадцатилетнем-то возрасте сам азартно собирал марки. Поскольку денег у него для покупки этих заманчивых прямоугольничков было очень мало, то его принцип коллекционирования шел в разрез с канонами филателии. Он собирал марки не по странам, не по темам, не по эпохам, а по цене. Он собирал самые дешевые марки.

На Бривибас в те времена существовал марочный магазин. Хозяйничал в нем полный, пожилой латыш, который имел у пацанов непререкаемый авторитет. Еще бы. Дядя Арвис про марки знал все.

Лешка часто заходил в этот магазин, в основном, чтобы поглазеть на раритеты и одновременно высмотреть дешевые, но красивые марки с цветами, бабочками, диковинными птицами.

Дядя Арвис не гонял пацанов. Он позволял им подолгу нависать над витринами с марками, рассматривать каталоги. Он прекрасно знал, что если паренек заразится какой-либо маркой, то он наверняка найдет денег для её покупки и принесет их в магазин.

Лешка заходил в магазин часто, а марки покупал очень редко. Он страдал от того, что у некоторых мальчиков было по 500 марок, а то и по 1000. Сам же он имел всего лишь 115 марок. Он страстно хотел увеличивать и увеличивать свое богатство, но денег у него не было.

Видя Лешкины терзания, продавец марок дал однажды ему ценный совет: «Слушай, парень. В разрушенном здании городской почты наверняка имеются запасы марок, которые ходили при немцах. Если ты их добудешь, то половину я у тебя куплю, а вторую половину ты сможешь использовать для обмена с товарищами». Лешка загорелся!

Рига. Почта и Телеграф. Старинная открытка

В один из вечеров он с приятелем, у которого был электрический фонарик, отправился к руинам городской почты. Вход в здание был заколочен досками. Окна первого этажа с выбитыми стеклами располагались высоко над уровнем земли и имели решетки. Возник вопрос: как проникнуть внутрь здания?

Охотники за марками обошли здание и на заднем дворе обнаружили что-то типа люка, ведущего в подвал здания. Подняв деревянную крышку, они увидели крутой бетонный спуск в подземелье. Очевидно по нему транспортировали прибывавшую почту.

Не задумываясь о том, как они будут выбираться из подвала, пацаны съехали вниз и оказались в темных подвальных катакомбах. Дети засветили фонарик, осмотрелись.

Чего только в подвале не было. Мебель, бумага, ящики, какие-то мешки, учетные книги, груды неотправленных писем. Писем было много – марок не было! Нет, на конвертах-то марки были. А вот марочные блоки отсутствовали.

По полуразрушенной лестнице пацаны поднялись на первый этаж. В свете угасающего дня они обошли все заваленные обломками и кирпичем конторки, кабинки, но марок и здесь не обнаружили. По всему было видно, что наши до-

бытчики здесь были не первыми. Выдвинутые ящики столов, распахнутые дверцы шкафов, разбросанные документы и разная бумага красноречиво свидетельствовали о побывавших здесь вандалах. Приятелям стало ясно, что если здесь и были марки, то их давно уже вынесли.

– Слушай, – сказал Лешкин приятель, – давай поотрываем марки с конвертов, что в подвале.

– Идея. А дома отмочим и порядок.

При слабеющем свете фонарика началось обрывание уголков конвертов с марками. Писем было очень много. Все их «обработать» не представлялось возможным. Набив конвертными обрывками по большому пакету, приятели в полной темноте стали выбираться из подвала. Чтобы вылезти через люк пришлось навалить кучу из мешков.

Они таскали мешок за мешком и вдруг под одним из мешков Лешка обнаружил немецкий автомат. За первым стволом последовали ещё девятнадцать и несколько коробок с патронами.

– Нужно сообщить в милицию, – сказал Лёшка

Приятель его поддержал:

– Точно! Это не иначе как немцы оставили всё это для «лесных братьев».

В милиции к заявлению ребят отнеслись очень серьёзно. Сразу же был послан на почту наряд вместе с ребятами, где они показали милиционерам свою находку.

А марочный улов оказался большой. Лешка отмочил около двухсот марок. Марки были разные, но больше всего было марок с Гитлером. Синие, зеленые, фиолетовые, розовые. Потом Лешка узнал, что вся серия состоит из 12 марок. Каждая марка имеет свой оттенок и свой номинал, от 1 пфеннига до 2 4 пфеннигов.

Удивительно, но именно эта серия умерила Лешкин филателистический пыл. Он не понимал почему зеленый Гитлер ценился на марочном рынке в пять раз выше, чем фиолетовый, а коричневый (с самым дорогим номиналом) был самым дешевым. Здесь ощущалась какая-то искусственность, ведь все марки имели одинаковый размер, одинаковый рисунок.

В последствие Алексей Георгиевич убедится, что такого рода иррационализм присущ любому виду коллекционирования. Наиболее яркий, самый свежий пример. На аукционе

анонимному коллекционеру была продана за 50 тысяч долларов картина «Шулеры», написанная одним из учеников Караваджо. Вскоре оказалось, что автор её сам Караваджо. После чего стоимость картины возросла до 50 миллионов долларов, т.е. в тысячу раз. Почему? Ведь художественные достоинства картины не улучшились, и ни один мазок на ней не прибавился.

А ещё Алексей Георгиевич уразумел: все одержимые коллекционированием люди – своего рода маньяки. Их в меньшей степени интересует художественная, историческая, материальная ценность того или иного объекта коллекционирования. Главный критерий для них – это либо имя автора, либо раритетность предмета коллекционирования. Так, например, «Голубой Маврикий» – клочок бумаги, марка с невнятным рисунком оценивается в 15 миллионов долларов только за то, что таких марок всего лишь несколько штук в мире. В охоте за редкими, а подчас единичными экземплярами марок, монет, орденов, гемм и т. п. маньяки-коллекционеры готовы на многое, вплоть до преступлений.

За обнаруженный немецкий арсенал Лешка и его приятель получили благодарность и денежную премию. Теперь появилась возможность подкупить значительное количество марок.

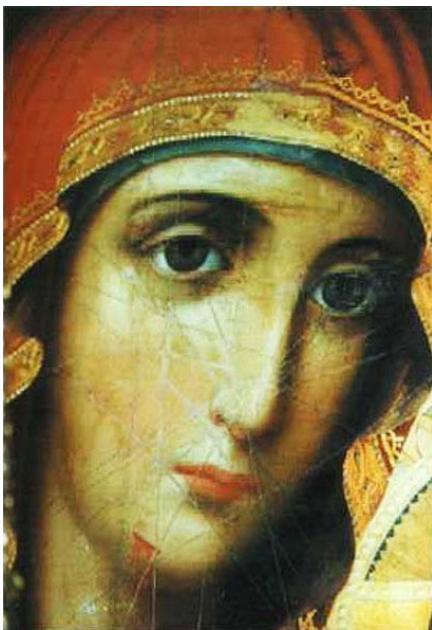
Но филателистом Лешка не стал. Он постепенно охладел

к маркам и его собирательская страсть угасла. Это произошло от непонимания им логики коллекционирования. Вот соберет он, как некоторые его кореша, тысячу марок. Ну, и что? Собирать дальше? А, до каких пор и какой в этом интерес? То есть он совершенно не осознавал ни пользы, ни цели коллекционирования марок.

В дальнейшем он стал не осознавать ни пользы, ни цели вообще какого бы то ни было коллекционирования. Вот некоторые собирают монеты, или утюги, или самовары, или зажигалки, или пивные кружки, или ещё что. А зачем?

Барсуков считал таких персон немного чёкнутыми, или пораженными странной зависимостью типа kleptomании, клаустерофобии и немножко жалел их: люди впустую тратят деньги и время.

Но был единственный вид коллекционирования, которой он оправдывал – собирание икон. Это красиво, это познавательно, это священно и таинственно.

Божья Матерь

Хотя Барсуков и не благоговел перед иконами, но относился к ним уважительно, как к древним кумирам. При этом он очень удивлялся. Вторая заповедь запрещает поклониться кумирам: «...Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, что на земле внизу, и что в воде ниже земли». А православные делают. Ведь когда христианин молится на икону, он молится вовсе не богу, а покрашенной деревянной доске, т.е. кумиру.

Однако, когда однажды свалилась на Барсукова черная беда, он забыл про свои мудрствования. Он от отчаяния, от безысходности отправился в Князь Владимирский собор, где долго стоял перед иконой Божией Матери, жарко моля о помощи. И Богородица смилостивилась!

Всё-таки в иконах что-то есть!

Поход же в подвалы рижской почты занозой застрял в Лешкиной памяти. Ему было неприятно думать, что письма, лежавшие грудой в подземелье, может быть в конце концов и нашли своих адресатов, а вот письма в изуродованных Лешкой конвертах никогда не дойдут по назначению.

Кстати, в наше время зеленый Гитлер оценивается очень низко, от одного до двух евро.

КЛУБНИЧКА

– Сегодня будем делать мусс, – энергично провозгласила Глафира Федоровна.

«Опять двадцать пять! – подумал Лешка, – Все- то в этой Риге не по-нашему. Вот теперь мусс. Что это такое? Опять нужно спрашивать. Дураком себя выставлять. А куда денешься?».

– Глафира Федоровна, – с деланным равнодушием обратился к женщине, Лешка, – а, что такое мусс?

– Ты не знаешь, что такое мусс? – удивилась Глафира

Федеоровна.

– Не-а.

– Ну, дела! Мусс – это такая пышная еда. По-французски мусс – это пена.

Она получается путем взбивания манной каши, в которую добавлен сахар или мед и для аромата – фрукты. Лучше всего использовать землянику или вишню. Но вишня еще не поспела. А земляника только пошла и стоит очень дорого. Поэтому мы фрукты заменим рабарбаром.

«Снова заковыка. Рабарбар какой-то. Но не буду спрашивать. Сам увижу».

– А, где вы его возьмете?

– На рынке куплю. Конечно, земляника неизмеримо лучше рабарбара, но увы.

При этом лицо Глафиры Фёдоровны стало таким кислым, что Лешке сильно захотелось утешить её и эту. так необходимую для приготовления мусса землянику, обязательно добыть, конечно, без денег. Такая возможность у него была.

Улица, на которой жил Лешка, упиралась в ипподром.

Из окна было видно как там, по беговой дорожке неслись лошадки, запряжённые в легкие дрожки. Слышалась музыка, шум толпы, звон колокола.

На Ипподроме в Риге

Лешка, ради интереса, пару раз проникал на ипподром, но ничего стоящего там не обнаружил. Зато рядом с ипподромом было чем заинтересоваться. Там вплоть до железнодорожных путей простирались садовые участки с летними домиками. Без заборов, без собак, с сетью аккуратных дорожек и, самое главное, с грядками, на которых кроме всего овощного прочего, краснели ягоды земляники.

Здесь Лешка в первый раз увидел землянику в огороде, увидел и безмерно удивился: зачем её выращивать, когда земляничника полно и в лесах и в полях? Вон, когда он был с мамой в эвакуации, в Молотовской области, то вместе

со всеми ездил за земляникой, чтобы обеспечить себя не зимнему вкусным продуктом.

Когда поспевала ягода, председатель колхоза им. Чапаева объявлял выходной. Народ вместе с ребятнёй погружался на подводы и уезжал за 15 километров от села, на дальние толоки, почти сплошную заросшие земляничником. Ягод набирали по ведру.

Сахара не было и в помине, поэтому, чтобы ягода не пропала, её томили в печи всю ночь. Утром в горшках присутствовала субстанция, похожая на мармелад, которая спокойно хранилась всю зиму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.